

СОВРЕМЕННАЯ СЕВЕРНОРУССКАЯ СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

Статья посвящена некоторым результатам изучения современной севернорусской сказочной традиции. Наш с коллегами многолетний полевой опыт работы в деревнях бассейна реки Мезень привел к необходимости поиска обоснования иных форм фиксации и публикации сказок. Мы понимаем под сказкой прежде всего речевое произведение, занимающее особое положение в ситуации коммуникации между сказочником и его слушателями, которыми оказываются в том числе и фольклористы. Интервью, в которых деревенские жители упоминают сказки, можно разделить на три типа: интервью-воспоминания о том, как они сами слушали сказки (чаще всего когда были детьми); интервью, в которых собеседники объясняют, как они сами рассказывали/рассказывают сказки уже своим детям или внукам; наконец, интервью, которые сопровождаются исполнением сказки для нас, фольклористов. Очень долгое время первые два типа интервью не были в фокусе исследовательского интереса. Фольклористов интересовали сказки, адресованные им самим или рассказанные в их присутствии. Однако и воспоминания о бабушках-сказочницах, и наблюдения за рассказыванием сказок вместе дают возможность наиболее объемно описать сказку. Содержание сказки связано с коммуникативным действием, которое осуществляется посредством сказки. Именно поэтому так важно фиксировать и изучать не только сам сказочный сюжет, но и сказку как коммуникативный акт, включающий в себя не только непосредственно текст сказки, но и весь контекст разговора, в котором этот текст возник, и те невербальные приемы, которые также участвуют в его создании (интонация, мимика, техники тела). Сказочники не просто рассказывают сказки, они их исполняют. В связи с этим появляется необходимость говорить о сказке как перформансе и о сказке как ритуале. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: фольклор, сказка, антропология, коммуникативный акт, перформанс.

Julia J. Marinicheva

St Petersburg State University

MODERN NORTH RUSSIAN FAIRY TALE TRADITION

The article is devoted to the study of the modern North Russian fairy tale tradition. My colleagues and I have many years of field experience in the villages of the Mezen River basin led to the need to find justification for other new forms of fixation and publication of fairy tales. We understand by a fairy tale, first of all, a speech work that occupies a special position in the situation of communication between the storyteller and his listeners, which turn out to be, including folklorists. Interviews in which our villagers mention fairy tales can be divided into two types: interviews-memories of how they themselves listened to fairy tales (most often when they were children); interviews in which the interlocutors explain how they themselves told/tell fairy tales to their children or grandchildren; finally, interviews, which are accompanied by the performance of a fairy tale to us, folklorists.

For a very long time, the first two types of interviews were not the focus of research interest. Folklorists were interested in fairy tales addressed to themselves or told in their presence. Refs 16.

Keywords: folklore, fairy tale, anthropology, communicative act, performance.

Современные полевые исследования, посвященные сказкам, так или иначе затрагивают вопрос о ее статусе в современном мире (см., например: [Добровольская 2017]). Современные бабушки или мамы, если и рассказывают сказки, то источником их являются книги или телевизор. Однако изменение традиции не равно ее вымиранию. Наш с коллегами многолетний полевой опыт работы в деревнях Русского Севера привел к необходимости поиска и обоснования новых принципов фиксации и публикации сказок (см. также: [Мариничева 2021]).

В настоящее время на фоне других фольклорных форм (мифологических рассказов, лирических песен, заговоров, нарративов о различных обрядах и др.) сказок мы фиксируем гораздо меньше. Это может быть связано не только с процессами перемещения деревенских жителей в города, распространением технологий и пр., но и с тем, что адресатами сказок в большей степени являются дети и подростки, которые далеко не всегда присутствуют во время интервью с их бабушками или мамами. Как оказывается, просто вспомнить и рассказать сказку без слушателя, для которого она сочинялась когда-то, очень сложно. Наши собеседники на просьбу вспомнить хотя бы начало какой-нибудь сказки, как правило, смущаются, говорят о том, что дети или внуки давно выросли и что они уже сказок не помнят. При этом эти же информанты легко воспроизводят длинные старинные песни, с подробностями вспоминают о том, как их бабушки и дедушки учили правильно проситься в лес, баню или в охотничью избушку, нередко делаясь «специальными словами» (заговорами), которые они помнят с детства. Очевидно, что дело здесь не в плохой памяти наших собеседников, а в том, что сказка предполагает какую-то специальную коммуникативную ситуацию, которую не так легко воссоздать спонтанно.

Мы исходим из того, что сказка — это прежде всего не сам сюжет, но тип говорения. Как отмечала Н. М. Герасимова: «Связь сюжетостроения с проблемами речетворчества и “говорения” практически не изучалась фольклористами, в то время как личная манера рассказчика текста формируется на основе знания не только сюжетного, но и речевого канона» [Герасимова 2012: 71]. Иными словами, чтобы изучить сказку, необходимо иметь в виду то, что может влиять на речевой канон рассказчика: значимые фрагменты биографии, собственный фольклорный репертуар, речевые особенности и даже жизненные установки. Поэтому нам представляется важным публиковать не только сами сказочные тексты, но и то, что их порождает: фрагменты разговоров, воспоминаний, рассуждений и т. д. То есть фиксировать то, что создает сказку в речи.

Интервью, в которых наши собеседники упоминают сказки, мы можем разделить на три типа: интервью-воспоминания о том, как они сами слушали сказки (чаще всего — когда были детьми), то есть имели опыт слушателя; интервью,

в которых собеседники делятся своим опытом рассказчика, но не исполняют саму сказку, и, наконец, интервью, которые сопровождаются исполнением сказки для присутствующих родственников (чаще внуков) или для нас, фольклористов. Очень долгое время первые два типа интервью не были в фокусе исследовательского интереса. Для фольклористов ценнее были именно тексты сказок, причем чем сложнее сюжеты — тем научная ценность возрастала. Однако и воспоминания о сказках (без точного воспроизведения самой сказки) дают возможность представить феномен сказки.

Сказки, о которых идет речь, были записаны на территории Русского Севера (Вологодская и Архангельская области) во время фольклорно-этнографических экспедиций СПбГУ с 1978 по 2021 г. Мы понимаем под сказкой прежде всего речевое произведение, занимающее особое положение в ситуации коммуникации между сказочником и его слушателями, которыми оказываются в том числе и фольклористы. Таким образом, коммуникация представляет собой не только рассказ собственно сказки, но и то, что ей предшествует, и то, о чем рассказывается после сказки. В работах К. В. Чистова фольклор рассматривается как особый тип устной коммуникации [Чистов 2005а]. Применительно к волшебной сказке предложенный К. В. Чистовым подход был реализован в исследованиях Н. М. Герасимовой, которая показала, что содержание сказочного текста зависит от взаимодействия сказочника с аудиторией. Сказочник постоянно ориентируется на реакцию своего слушателя, о чем свидетельствуют частые комментарии, которые он добавляет по мере движения речи. Сказка как текст не существует отдельно от ситуации ее рассказывания. Более того, довольно часто сказка может быть атрибутирована самим рассказчиком как реальная история, песня или любой другой жанр.

Об отсутствии единых принципов определения жанровых границ сказок указывали в своих работах фольклористы А. И. Никифоров и В. Я. Пропп. Последний признавал, что общая классификация сказок лишена единого основания, а это значит, что сказка не совсем жанр. Пропп понимал жанр как «совокупность произведений, объединенных общностью поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения и музыкального строя» [Пропп 1976: 46]. Он выделял самостоятельные сказочные жанры по двум принципам: композиционному (волшебные и кумулятивные сказки) и по характеру действующих лиц (бытовые и сказки о животных), но подчеркивал, что эти принципы не универсальны. Так, в кумулятивной сказке чаще всего действуют животные персонажи, что позволяет отнести ее сразу к двум жанрам. При этом сам Пропп сказки не записывал, а пользовался уже напечатанными текстами. Звучащие же сказки, которые фиксируем мы, дают еще большее понимание того, что сказка определяется не жанровыми особенностями, а типом говорения. Н. М. Герасимова отмечала, что «при сохранении традиционной фабулы сюжет у разных исполнителей может иметь различную жанровую “огласовку”» [Герасимова 2012: 72]. Так, любая животная сказка становится бытовой, как только рассказчик заменяет животных персонажей человеческими [Мариничева 2011]. В наших экспедициях мы нередко стал-

кивались с тем, что одни и те же тексты оказываются разными фольклорными формами. В качестве примера приведем сказку «Марьюшка-Косикумушка» (она же может звучать в речи информантов как «Марьюшка-Босикумушка» или «Марьюшка-Косякумушка»), распространенную в Мезенском районе Архангельской области. Центральный мотив в этой сказке — песня-обращение родителей к девушке, которую бросили в лесу (привязали к березе), и песня-ответ самой девушки о том, что она не может выйти из леса. Приведем пример песни-обращения мамы героини:

Марьюшка-Косяконушка,
Пойди в баенку,
Баенка истоплена,
Венечек испарен,
Мыльце на окошечке,
Тепла водочка в колодочке¹.

Интересно, что эту песню мы фиксировали и как фрагмент сказки, и как заговор, который необходимо произнести перед мытьем в бане.

Другие примеры — сказки «Бубен» и «Сказка-помазка», которые мы записывали как собственно сказки кумулятивной природы, как колыбельные и как песни-потешки. При этом мы считаем возможным отнести эти речитативные тексты к сказкам, так как наши собеседники сами не раз называли их сказками или вспоминали о них в контексте разговоров о сказках. Фольклорист Н. И. Жуланова детально рассматривает подобные примеры. Для нас эта статья особенно интересна, так как речь идет о соседней с Архангельской областью территории. В коми-пермяцких деревнях зафиксированы тексты, которые сами жители деревень называют по-разному: «прибаутка», «присказка», «сказочка», «сказка», «рассказка», «присказулька», «приговоровка», «басня» [Жуланова 2020]. При этом чаще всего исполнители используют название «прибаутка». Все это — повествовательные тексты (что сближает их со сказками), но которые поются. Именно поэтому исследовательница и предлагает их назвать сказками-песнями, что оказывается приемлемым и для нашего материала. Сюжеты коми-сказок и архангельских русских идентичны и состоят из серии вопросов-ответов, связанных «по принципу цепочки» [Жуланова 2020: 65]. Эти сказки могут быть полностью речитативными, или напевными, или сочетать оба варианта («напевно-речевые»). Приведем пример из наших записей:

Бубен, ты, бубен,
Сядь-ко на бочку,
Продай свою дочку,

¹ ФА СПбГУ, Мез20-222. Зап. от Татьяны Юрьевны Преловой 1960 г. р., Татьяны Федоровны Масловой 1973 г. р., в д. Азаполье Целегорского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 13.07.2008 г. Ю. Ю. Мариничевой.

Нашего князя,
Трои сени,
Трои палаты,
Шелком шиты,
Золотом обиты —
Коза не проскочит,
Рога не проломит,
Коза проскочила,
Рога проломила.
— Где коза?
— Коза в клетку ушла.
— Где клетка?
— Водой унесло.
— Где вода?
— Быки выпили.
— Где быки?
— В красно гору ушли.
— Где красно гора?
— Цветами заросла.
— Где цветы?
— Девки выщипали.
— Где девки?
— Замуж выскакали.
— Где муживья?
— На войну ушли.
— Где война?
— Среди говна.
— А где говно?
— Гуси выклевали.
— Где гуси?
— За леса улетели.
— Где леса?
— Люди присекли.
— А где люди?
— Люди примерли.
— Где могилки?
— Травой заросли.
— Где трава?
— Трава скошена.
— Где коса?
— Коса сломана.
— Где обломки?
— В кузницы снесены.
— А где кузница?
— На дорожке стоит,

— Топоры-ножи кует,
А нам не дает².

Так же, как и сюжет про Марьюшку, сказка про Бубен представляет собой вопросно-ответную конструкцию, которую исполняют специальным напевом или речитативом, что позволяет использовать ее по-разному. Именно поэтому мы предлагаем говорить о сказке не в жанровом отношении. В конце концов, любой жанр — это лишь исследовательский конструкт. Именно поэтому так сложно бывает (а иногда и вовсе невозможно) атрибутировать сказочный материал по номерам сюжетов из «Сравнительного указателя сюжетов» (далее — СУС) (Сравнительный указатель сюжетов 1979).

Избранный нами способ понимания природы сказки дает представление о том, как она работает. Она рождается в ситуации межличностного взаимодействия. Содержание же текста сказки являет собой величину переменную: оно возникает на его «границах»: в процессе деятельности, направленной на его создание или восприятие [Адоньева 2000]. Иными словами, содержание сказки связано с коммуникативным действием, которое осуществляется посредством сказки. Эта коммуникация включает в себя не только текст сказки, но и весь контекст разговора, в котором сказка возникла как тема, и те невербальные приемы, которые участвуют в ее создании (интонация, мимика, техники тела). А. И. Никифоров подчеркивал специальную драматичность сказок, особенно детских (кумулятивных и сказок о животных):

Собирая сказки на Севере России, я заметил, что среди них четко выделяется группа сказок, которая характеризуется неперменным наличием, с одной стороны, специфических элементов исполнительского характера и, с другой стороны, — некоторой специфичностью структуры самого текста. По преобладанию и в том, и в другом отношениях особенностей произведений, аналогичным особенностям театральнo-эстрадных произведений искусственной литературы, я и называю эту группу сказок — жанром драматической сказки [Никифоров 2008: 105].

Никифоров отмечал, что жанровую особенность подобных сказок определяет именно их исполнение — оно сопровождается театральнo-игровыми приемами, такими как изменение голосового регистра, игра мимикой и т. д. Но нам представляется, что любая сказка является драматической, а потому может быть изучена в контексте теории перформанса (см., например: [Шехнер 2020; Фишер-Лихте 2021]). В рамках настоящей статьи мы не будем подробно останавливаться на этом подходе. Отметим, что он представляется нам крайне перспективным и заслуживает отдельного исследования. Укажем здесь лишь на одно наблюдение Н. М. Герасимовой о том, что любую сказку невозможно пересказать. Ее мож-

² ФА СПбГУ, Мез16-39. Зап. от Марии Васильевны Бобылевой, 1937 г. р., в д. Азаполье Целегорского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 10.07.2008 г. М. А. Троцило, Ю. Ю. Мариничевой.

но только рассказать, то есть исполнить. Это исполнение предполагает разные, в том числе невербальные, способы воздействия на слушателя. И действительно, в интервью, в которых речь заходит о сказках, информанты часто вспоминают о своих телесных переживаниях: их, детей, хватали, дергали и часто всячески пугали. Так, например, Анна Васильевна Вороничева из деревни Улома Вологодской области поделилась воспоминанием о том, как бабушка и дедушка рассказывали сказку «Медведь на липовой ноге» (СУС: 163 = АА *162):

Все спугаемся, сидим — за печкой полати, — дак на полатях сидим с дедушкой-бабушкой. А потом у печки-то было подполье, какое подполье там, где картошку хранят, дыра такая, вот. Медведь-то уж. А мы, мы сидим за печкой на полатях там, боимся. Они-то нам рассказывают про медведя-то. Вот уже к нам подходит и говорит³.

Из этого примера становится очевидно, что выразительно рассказанная сказка, ее реалии (локусы, персонажи) постоянно соединяются с миром, который окружает слушателя в момент, когда он слышит сказку [Адоньева, Мариничева 2014]. В этот самый момент он начинает ее наблюдать и даже ощущать. Пугая ребенка, бабушка и дедушка именно так включали внучку в сказочное действие.

В некоторых случаях сказочники используют и другой прием: они делают своих слушателей персонажами сказки, называя каких-нибудь героев их именами собственными (подробнее об именах собственных в сказках о животных см.: [Мариничева 2016]). Это явление фиксировали и фольклористы первой трети XX в. Например, известный сказочник Матвей Михайлович Коргуев очень любил присваивать своим персонажам имена собственные, как бы не свойственные сказочному канону. В предисловии к «Беломорским сказками» А. Н. Нечаев, который и записывал сказочника, отмечал, что «для сказок Коргуева очень характерны реалистические зарисовки бытовых подробностей, окрашенных в интимные лирические тона. Герои и героини часто называются Танечкой, Леночкой, Елечкой, Санечкой, Андреюшком» [Нечаев 1938: 8]. Скорее всего, Матвей Михайлович использовал имена реальных людей, возможно даже своих слушателей.

Другой пример представил А. И. Никифоров, который однажды записал сказку «Исчезнувшая царевна» (СУС: 301D* = АА 301*С) в селе Вожгора Архангельской области (кстати, именно в этой деревне несколько лет работали и мы) от 28-летнего сказочника Евгения Малафеевича Поташева. В той части сказки, когда главный герой открывает ключами сначала погреб с человеческими черепами, потом подвал с золотом, серебром, медью и вином, и, наконец, третью комнату, в которой сидит царская дочь, сказочник произносит:

Ну, потом открыл дверь: сидит эта царская дочь в комнате, как Евдокия Васильевна, такая же красивая, молодая (Исчезнувшая невеста 2011: 215).

³ ФА СПбГУ, Кир16-3. Зап. от Анны Васильевны Вороничевой 1924 г. р., ур. д. Улома, в д. Иванов Бор Ивановоборского с/с Кирилловского р-на Вологодской обл. 20.07.2006 г. М. Д. Кармановой.

В комментариях к материалам Никифоров пишет: «Евдокия Васильевна — ветеринарная фельдшерница Вожгорского района, присутствовавшая при рассказе» (Исчезнувшая невеста 2011: 215). Конечно, сказка для слушающей ее Евдокии Васильевны перестала быть просто абстрактным сюжетом. Эта сказка вдруг стала одновременно адресована ей, потому что она о ней и, вероятно, о самом сказочнике.

Подобные примеры записывали и мы. Так, с Анной Яковлевной Васильевой из деревни Пигилинская Вологодской области мы познакомились в 2005 г. Все время нашего пребывания в деревне мы общались с ней не только в рамках интервью, но и дружили по-соседски. С особенным удовольствием и интересом мы наблюдали за тем, как она общалась со своими внуками: она постоянно разговаривала с ними, включала их в текущие хозяйственные работы и т. д. Мы предвкушали услышать сказку. И вот однажды мы все-таки уговорили Анну Яковлевну найти время. Наверное, уже зная талант Анны Яковлевны как рассказчицы любых историй, мы ожидали услышать какую-нибудь длинную волшебную сказку со всеми формами и «правилами». Но услышали другое. Вернее, наблюдали другое. Во время записи присутствовали и внуки Анны Яковлевны, и именно они были героями ее сказок. Приведем один фрагмент:

Прибежали все собаки да, пришла Маша да, пришел Леня да, пришла Лида да. Сопли вытерли, да и привели домой. Бабушка обрадовалась, ягод много принесли. Ягоды с молоком ели там, пироги пекли⁴.

Анна Яковлевна сама сочиняла сюжеты своих сказок и, хотя они уже были знакомы детям, именно оригинальность их исполнения и то, что бабушка постоянно обращалась к юным слушателям, рассказывала о них, делало ее сказки каждый раз по-новому переживаемыми. Воздействие сказки на слушателя, вера в происходящее в ней связаны с особой сказочной драматизацией. Социолог И. Гофман указывал на необходимость изучения «техники, с помощью которой деятельность превращается в спектакль» [Гофман 2021: 48].

Еще один пример включения слушателей в сказку показала Лидия Николаевна Драчева из деревни Остров Вологодской области. Она в общей беседе с фольклористами и своей сестрой вспоминала о том, как рассказывала сказку своей внучке. Акцент в интервью она сделала именно на том, как внучка верила в сказку, потому что она и была ее героем. Такой эффект был достигнут бабушкой за счет того, что, рассказывая сказку, она постоянно указывала реальные имена людей, которых ее внучка прекрасно знала:

Вот такой лесной дедушка! Вот мы с тобой, — говорю, — пойдем к бабушке Клаве. Пошли, — говорю, — к бабушке Клаве, встретился нам этот лесной дедушка

⁴ ФА СПбГУ, Сям16-14. Зап. от Анны Яковлевны Васильевой 1950 г.р., ур. д. Пигилинская, в д. Давыдовское Ногинского с/с Сямженского р-на Вологодской обл. 19.07.2005 г., Д. К. Туминас, Ю. Ю. Мариничевой.

и тебя посадил на елочку. Тебя на елочку, в конце, — говорю, — на верхушечку посадил. А я внизу бегая и умоляю: «Дедушка-дедушка лесной, сними Аннушку, сними Аннушку, нам пора уже домой!»⁵

К. В. Чистов отмечал, что фольклорная коммуникация устная и прямая, то есть проистекает от человека к человеку. Певец или сказочник всегда ориентируется на слушателя и использует специальный код, которым владеет слушатель. Суть этого кода в естественности языка [Чистов 2005б]. На наш взгляд, имя собственное сказочных персонажей и оказывается тем самым кодом, который связывает сказочника и слушателя, а использование этого кода — специальным действием, который осуществляет сказочник, чтобы, с одной стороны установить особые отношения со слушателем, а с другой — включить его в тот мир, который сказочник создает в момент своего перформанса эту коммуникацию. Слушатель же, наблюдая себя персонажем сказки, в большей степени верит в происходящее и переживает событие сказки как событие своей жизни. Но зачем это необходимо рассказчику? Ответ на этот вопрос можно получить, рассмотрев следующий пример из нашей практики.

Анна Арсентьевна Семенова из деревни Белошелье Архангельской области согласилась рассказать студентам сказку, но во время интервью также присутствовала ее трехлетняя внучка Даша. Сначала девочка просто сидела с бабушкой и не очень хотела слушать длинную сказку. Ее больше увлекали телевизор, включенная для записи видеокамера и посторонние девушки-студентки. Но когда бабушка начала рассказывать сказку о мальчике, который убежал от своей сестры и попал к Бабе Яге, Даша все больше и больше интересовалась происходящем. При этом Анна Арсентьевна не называла сказочных персонажей ее именем, но постоянно обращалась взглядом к внучке. Этот взгляд скорее и ловила трехлетняя девочка. Закончила свой рассказ Анна Арсентьевна так:

Залез под мостик, Баба Яга опять пролетела мимо. Вот. Он из-под мостика вылез, прибежал домой. Прибежал домой, ну сестра тут. Родители приехали, сестра не рассказала, что убежал, но его наказала, что нельзя бегать, убежать из дома⁶.

После этой фразы она строго посмотрела на внучку и сказала ей: «Вот нельзя в лес убежать, да? Вот так. Вот и сказка», а далее уже пояснила студенткам, что, когда внуки не слушаются, она начинает придумывать «че ли», чтобы их научить. Конечно, так бабушка учит внучку «правильному» поведению, но не с помощью

⁵ ФА СПбГУ, ФА СПбГУ, Ваш16-19. Зап. от Лидии Александровны Драчевой, 1928 г. р., ур. д. Чагода и Инны Александровны Федоровой, 1931 г. р., в д. Остров Островского с/с Вашкинского р-на Вологодской обл. 14.07.2003 г. Ю. Ю. Мариничевой, А. С. Каретниковой, С. В. Хотинной.

⁶ ФА СПбГУ, Леш16-47. Зап. от Анны Арсентьевны Семеновой, 1956 г. р., в д. Белошелье Ценогорского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. 17.07.2016 г. Е. М. Красавиной, А. А. Игнатенко.

запретов, например посещать лес. Она рассказывает сказку о том, что может случиться с внучкой в этом лесу, и о том, как необходимо действовать, если этот опыт пребывания в лесу в одиночестве уже случился. Бабушка рассказывает посредством сказки о мире, в котором все живые и неживые объекты — мосты, деревья, птицы — имеют статус лиц, общаются, могут помогать или, наоборот, подводить. Таков мир сказки и таков мир реального леса.

Итак, наши примеры показывают, что современные севернорусские сказочники создают специальное сказочное событие для слушателей, делают его переживаемым и ощущаемым здесь и сейчас с помощью различных приемов. Именно поэтому, став взрослыми, слушатели не всегда могут вспомнить всю сказку целиком, но хорошо помнят, что переживали (страх, любопытство к происходящему в сказке и т. д.). Этот сказочный перформанс делает рассказывание сказки ритуалом.

Таким образом, одним из важных аспектов мы считаем место сказки в коммуникации между рассказчиком и слушателем. Поэтому необходимо фиксировать и публиковать не только собственно сказочные фрагменты, но и то, что им предшествует в разговоре.

Источники иллюстративного материала

Исчезнувшая невеста // Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Детский фольклор / Вступит. статья, сост., подг. текстов и комментариев М. Н. Власовой. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С 214–217.
ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Справочные материалы

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979.

Литература

- Адоньева С. Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
- Адоньева С. Б., Мариничева Ю. Ю. Фольклор в свете теории коммуникации и конвенции сказочной речи // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: филологический практикум / сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. С. 11–24.
- Герасимова Н. М. Севернорусская сказка как речевой жанр // Герасимова Н. М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура / отв. ред. А. Ф. Некрылова. СПб.: Изд-во РИИИ, СПбГУ, 2012. С. 70–91.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. Е. Антоновой. СПб.: Питер, 2021.
- Добровольская В. Е. «Случайные сказочники»: роль рефлексии в сохранении сказочной традиции // Человек и событие в исторической памяти: сборник статей / отв. ред.

- Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2017. С. 232–246.
- Жуланова Н. И. Песни-сказки в традиционной культуре коми-пермяков // Сказка в фольклоре, литературе и искусстве: традиционное и новое: сборник научных статей / ред.-сост. Л. В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2020. С. 54–87.
- Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: система персонажей // Антропологический форум. 2011. № 15. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/marinicheva.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
- Мариничева Ю. Ю. К вопросу об именах собственных в русской сказочной речи // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 34–40. URL: <http://hdl.handle.net/11701/6079> (дата обращения: 02.06.2022).
- Мариничева Ю. Ю. Севернорусские сказки в современных записях: опыт фиксации и публикации // Поморские чтения — III: сборник материалов III Межрегиональных научных Поморских чтений, г. Мезень, 6–7 февраля 2021 г. / Мин-во культуры Арханг. обл.; Гос. бюджет. учреждение культуры Арханг. обл. «Арханг. краевед. музей»; сост. А. Г. Едовин. Архангельск: Лоция, 2021. С. 231–240.
- Нечаев А. Н. Сказки М. Коргуева // Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / под ред. А. Н. Нечаева. Л.: Советский писатель, 1938. С. 3–10.
- Никифоров А. И. Народная детская сказка драматического жанра // Никифоров А. И. Сказка и сказочник / Сост., вступ. ст. Е. А. Костюхина. М.: ОГИ, 2008. С. 104–122.
- Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Фольклор и действительность: избранные статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М.: Наука, 1976. С. 46–83.
- Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской; под общ. ред. Д. В. Трубочкина. М.: Международное театральное агентство Play&Play, Канон+, 2021.
- Чистов К. В. Устная речь и проблемы фольклора // Фольклор. Текст. Традиция: сб. статей / подгот. текста А. С. Архипова. М.: ОГИ, 2005а. С. 52–67.
- Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // Фольклор. Текст. Традиция: сб. статей / подгот. текста А. С. Архипова. М.: ОГИ, 2005б. С. 134–143.
- Шехнер Р. Теория перформанса / пер. с англ. А. Асланян. М.: V-A-C Press, 2020.

References

- Adonèva S. B. *Fairy-tale text and traditional culture*. St Petersburg, St Petersburg University Press, 2000. (In Russian)
- Adonèva S. B., Marinicheva Iu. Iu. Folklore in the light of the theory of communication and the convention of fairy-tale speech. *Kommunikativnye konventsii i sotsial'nye stsenarii: filologicheskii praktikum*. St Petersburg, St Petersburg University Press, 2014, pp. 11–24. (In Russian)
- Chistov K. V. Folklore performer and his text. Arkhipov A. S. (prep.). *Fol'klor. Tekst. Traditsiia: sbornik statei*. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 134–143. (In Russian)
- Chistov K. V. Oral speech and folklore issues. Arkhipov A. S. (prep.). *Fol'klor. Tekst. Traditsiia: sbornik statei*. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 52–67. (In Russian)
- Dobrovolskaya V. Ie. “Random Storytellers”: The role of reflection in preserving the fairy-tale tradition. Krasheninnikova Yu. A. (ed.). *Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamyati: sbornik statei*. Syktvkar, Institut yazyka, literatury i istorii Komi NC UrO RAN Publ., 2017, pp. 232–246. (In Russian)
- Fischer-Lichte E. *Ästhetik des Performativen*. Moscow, Mezhdunarodnoe teatral'noe agentstvo Play&Play Publ., Kanon+ Publ., 2021. (Rus. ed.)

- Gerasimova N.M. North Russian fairy tale as a speech genre. Nekrylova A.F. (ed.). *Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura*. St Petersburg, Russian Institute of Art History Press, St Petersburg University Press, 2012, pp. 70–91. (In Russian)
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. St Petersburg, Piter Publ., 2021. (Rus. ed.)
- Marinicheva Iu. Iu. On proper names in Russian fairy tales. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, iss. 3, pp. 34–40. Available at: <http://hdl.handle.net/11701/6079> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)
- Marinicheva Iu. Iu. Russian fairy tales about animals: character system. *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 15. Available at: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/marinicheva.pdf> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)
- Marinicheva Iu. Iu. North Russian fairy tales in modern records: the experience of fixation and publication. Edovin A. G. (comp.). *Pomorskie chteniia — III: sbornik materialov III Mezhregional'nykh nauchnykh Pomorskikh chtenii, g. Mezen', 6–7 fevralia 2021 g.* Arkhangel'sk, Lotsiia Publ., 2021, pp. 231–240. (In Russian)
- Nechaev A. N. Fairy tales by M. Korguev. Nechaev A. N. (ed.). *White Sea fairy tales told by M. M. Korguev*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1938, pp. 3–10. (In Russian)
- Nikiforov A. I. Folk children's fairy tale of the dramatic genre. Kostyukhina E. A. (comp.). *Skazka i skazochnik*. Moscow, OGI Publ., 2008, pp. 104–122. (In Russian)
- Propp V. Ia. Genre composition of Russian folklore. Putilov B. N. (comp., ed.). *Fol'klor i deistvitel'nost': izbrannye stat'i*. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 46–83. (In Russian)
- Schechner R. *Performance Theory*. Moscow, V-A-C Press, 2020. (Rus. ed.)
- Zhulanova N. I. Fairy-tale songs in the traditional culture of the Komi-Permians. Fadeeva L. V. (comp.). *Skazka v fol'klоре, literature i iskusstve: traditsionnoe i novoe: sbornik nauchnykh statei*. Moscow, State Institute for Art Studies Press, 2020, pp. 54–87. (In Russian)

Сведения об авторе

Мариничева Юлия Юрьевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Julia J. Marinicheva

PhD in Philology, Senior Lecturer

St Petersburg State University

7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: y.marinicheva@spbu.ru

SPIN-код: 5327-05652

Author ID: 717335